

Его скромность и мягкость были общепризнанными в мире оперы, но его доброта всегда казалась несколько отстранённой, тонко, но точно отделяя его от других, что скорее напоминало безразличие и отчуждение.

Это ощущение не было явным в обычных разговорах с посетителями. Для большинства незнакомцев Гу Шэну достаточно было просто стоять и улыбаться, чтобы они могли долго смеяться и шутить.

Но такие постоянные посетители театра, как Сун Чжао и Цзян Чэн, или молодые люди из знатных семей, приглашали его на частные выступления. Когда главные актёры заканчивали петь и выходили на сцену, чтобы поблагодарить хозяев, они иногда случайно поднимали глаза и видели Гу Шэна, стоящего в стороне, с полуопущенными ресницами, спокойно смотрящего куда-то вдаль.

На самом деле всё это было второстепенным. Такие люди, как Гу Шэн и Лю Мянью, были всего лишь игрушками для богатых семей. Простые люди и торговцы могли только мельком взглянуть на них.

Чтобы быстро и надолго стать популярным, нужно было, чтобы молодые аристократы осыпали их деньгами и подарками.

Гу Шэн пел хорошо, был красив, и его таланты в постели уже были оценены важными господами на лучших местах в театре. Они начали проявлять к нему интерес, случайно хваля его за нежные руки, снимая с пальцев золотые кольца и надевая их на него, одновременно позволяя себе лишние вольности. Приглашения провести ночь поступали каждый день, словесные намёки никогда не прекращались. Так продолжалось некоторое время, но Гу Шэн, казалось, ничего не замечал и продолжал петь, отказываясь от всех предложений. Это довело директора налоговой службы Цзиня до того, что он не выдержал и прямо бросил перед ним деньги, чтобы купить его.

Гу Шэн сидел, склонившись набок, и, подняв веки, мельком взглянул на банкноты. Его рука небрежно перебирала их.

Директор Цзинь, увидев, что это может сработать, уже начал смеяться, как вдруг перед его глазами мелькнуло что-то, и Гу Шэн швырнул несколько банкнот ему в лицо!

Директор Цзинь закричал:

— Сволочь! — и замахнулся, чтобы ударить, но Гу Шэн выпрямился и, холодно глядя на него, резко крикнул:

— Пошёл вон!

Этот крик был настолько резким, что голос сорвался, звуча почти устрашающе. Господа, никогда не видевшие его в гневе, были шокированы, ненавидя Гу Шэна за то, что он осмелился так публично выставить их, но, видя, что люди собираются, не могли открыто поругаться с актёром. Они встали, крикнув:

— Неблагодарный ублюдок! — и ушли.

С тех пор у дверей Гу Шэна стало пусто. Кроме тех, кто действительно приходил послушать его пение, и тех, кто всё ещё надеялся, но не смел проявлять инициативы, большинство влиятельных поклонников разбежалось.

Когда Цзян Чэн услышал об этом, он хлопнул себя по бедру и крикнул:

— Отлично!

Он был крайне доволен тем, как Гу Шэн обращался с этими навязчивыми поклонниками, и, схватив его, громко поцеловал.

Хотя Гу Шэн в тот момент отвернулся, и в его глазах промелькнула глубокая усталость и отвращение, Цзян Чэн был доволен тем, что актёр сохранил свою чистоту и нежность, и проигнорировал этот незначительный взгляд.

Как бы то ни было, Гу Шэн был лучше не трогать. Ищущие развлечений господа и молодые люди, конечно, не собирались заикливаться на одном человеке. В радиусе тысяч ли от Цзиньчжоу, не говоря уже о танцовщицах, которые занимались этим профессионально, было легко найти кого-то с похожими условиями, как у Гу Шэна.

Например, Лю Мян, которая была его коллегой по труппе, явно умела вести себя лучше.

Её мать продала её в труппу в детстве, и с тех пор она познала унижение и подчинение. Но она стала мастером манипуляций, и с тех пор в её голове закрепилось глубокое осознание:

У неё была фигура и внешность, способные покорить героев, и, если она будет уметь угождать, это станет её самой надёжной опорой в этом хаотичном мире.

Лю Мян понимала это, ещё до того, как осознала, что она красива.

Поэтому она не сопротивлялась, как Гу Шэн. Она терпела оскорбительные выходки молодых аристократов, почти никогда не отказывая. Она знала, что это основа её выживания. Прошло десять лет, и она стала знаменитой, её цена выросла, и обычные торговцы уже редко могли приблизиться к ней. Но она всегда оставалась искусной в общении, пользовалась популярностью среди милитаристов и богачей.

Это был самый мудрый и безопасный способ существования, и Лю Мян умела справляться со всеми сложностями. Её репутация как лучшей актрисы в Цзиньчжоу была заслуженной. В тринадцать лет она дебютировала с песней «Три удара ладонями» и сразу же получила овации. Её внешность становилась всё более изысканной и красивой.

Она пела хорошо, была красива, и, что самое главное, умела ладить с людьми. У Лю Мян не было причин не добиться успеха.

Когда человек становится популярным, у него появляется больше личных желаний, чем когда он только стремился к славе. Лю Мян с самого начала не любила Гу Шэна, а потом стала ненавидеть его ещё больше.

Причина была проста: Гу Шэн пел лучше неё.

Как говорится, дилетанты смотрят на внешнее, а профессионалы — на суть. Даже самые знающие любители оперы в Цзиньчжоу, для тех, кто зарабатывает этим на жизнь, всё равно оставались дилетантами. Они могли отличить Гу Шэна, Лю Мян и их коллег, но если углубляться в детали, всё сводилось к «каждому своё».

Но Лю Мян знала, она слышала, что Гу Шэн был лучше неё.

И намного лучше.

Гу Шэн был типичным примером того, кто не выпячивает свои достоинства. Его характер проявлялся в его игре. Даже те, кто не мог уловить всех тонкостей, знали, что пение Гу Шэна было сложным и глубоким, в то время как Лю Мян была более лёгкой и изящной. Само по себе пение не было лучше или хуже, но самая суть, самая глубокая разница заключалась в неуловимой одухотворённости.

Гу Шэн, не говоря ни слова, просто стоял, слегка поворачивая голову, и вдруг казалось, что душа, о которой пели в пьесах на протяжении сотен лет, оживала в нём.

Это чувство передавалось зрителям, и они ощущали глубокое удовлетворение, как будто всё встало на свои места.

Это ощущение не было связано с тренировками или техникой, а только с талантом и преданностью своему делу.

Лю Мян знала, откуда у Гу Шэна это чувство — он был чист.

Гу Шэн любил оперу, пение или сочинение, он просто любил это дело. Он находил в нём радость. Он не искал славы, потому что у него были основания не делать этого.

Оперы не были для него средством достижения известности, они были всем его существом. Он не хотел унижаться ради славы и не хотел унижать оперу, которая была частью его крови.

Лю Мян ненавидела этого молодого человека, своего ровесника, за его неуместную чистоту, которая сводила её с ума.

Даже сама Лю Мян не осознавала своей неприязни к Гу Шэну. Это была не зависть или ненависть конкурента, а печаль и безысходность от осознания невозможности догнать его. Она просто следовала своим чувствам, стараясь подавить Гу Шэна. Она знала, что ему всё равно, но ей было не всё равно.

Она хотела унижить этого высокомерного мужчину, швырнуть ему в лицо контракт и заставить его смириться. Поэтому, когда Лю Мян впервые услышала, что Гу Шэна купил Цзян Чэн, её кратковременное удивление сменилось тонким и безумным удовлетворением, которое, как колючки на скале, росло, обвивая её, причиняя боль и презрение.

Разве он не был «рождён для оперы»? Разве он не осмелился публично унижить людей? Его изначальная игра в непокорность была всего лишь попыткой выгодно продать себя?

Истории о том, как богатые господа покупали молодых любовников, существовали с древности. Если покровитель был достаточно щедр, то тот, кого купили, часто становился объектом зависти среди артистов. Хотя это и было грязным делом, соседи всё равно осуждали их — так же, как любители оперы, которые восхищались актёрами на сцене, но в душе презирали их.

Лю Мян слишком хорошо это понимала. Гу Шэн был белым лунным светом для многих преданных поклонников, и как только эта новость распространилась, этот иллюзорный свет полностью исчез. Без поддержки поклонников, как он мог стать популярным?

Есть некоторые исторические неточности, пожалуйста, не углубляйтесь в них. Этот текст не выдержит проверки. Друзья смеялись, что я снова ввожу детей в заблуждение.

Пищу медленно... Ежедневные обновления вызывают стресс, пойду накоплю черновиков.

<http://bllate.org/book/16144/1445626>